

**Восстановление церкви в Бородине
после Отечественной войны 1812 г.
(по документам Центрального Исторического архива г. Москвы)**

История церкви в селе Бородине исчисляется уже почти тремя сотнями лет. Но без сомнения, 1812-й останется главным годом в жизни храма, сколько бы еще ни простоял на Бородинской земле этот памятник, особенность которого заключена во всеобъемлющем определении «единственный безмолвный свидетель Бородинского боя». «Безмолвный» — это потому что не может рассказать о великом сражении? Или потому, что молчал среди стонов умиравших, сам израненный и поруганный и ранам его суждено было не скоро зарубцеваться?

Восстановлению разрушенной Бородинской церкви посвящены IV и V главы обстоятельного историко-археологического очерка протоиерея С. В. Страхова, опубликованного в 1912 г.¹ При его написании автор наряду с архивом храма и печатными источниками использовал документы Московской Духовной Консисории. Архив церкви исчез, а обширнейший фонд Консисории (№ 203) хранится в Центральном Историческом архиве г. Москвы. Хотя современные шифры дел не соответствуют тем, что указаны в сносках у Страхова, удалось все же найти и эти документы. И, конечно же, при их изучении обнаружилась некоторая информация, оставшаяся за рамками сочинения протоиерея. То, что могло показаться ему в начале нынешнего века не особенно важным, или то, что не вошло в его труд за нехваткой места, несомненно, представляет интерес для нас.

19 сентября 1814 г. на имя управляющего Московской митрополией архиепископа Дмитровского Августина было подано прошение можайской помещицы гвардии секунд-ротмистрши Елизаветы Петровны Савеловой, в котором она просила о причислении своих крестьян села Бородина и деревень Семеновской и Горок навсегда к приходу села Успенское, Криушино тож. Помещица объясняла причину просьбы: в Бородине «церковь от нашествия ««приятеля в прошлом 1812 году вся разорена, почему и службы в ней не производится. А требы мирския, за кончитлю той церкви священника и за выбытием причетников отправляются разными священниками, в числе коих и из села моего Успенского Криушино тож Иваном Яковлевым»².

По прошению в Консисории 22 сентября того же года было определено: учинить о церквях, причтах и приходах справку и доложить. 2 октября представленная справка была рассмотрена. В ней, со ссылкой на «Собранные в 1813 году Можайской округи благочинными о церквях священно и церковнослужителях ведомости», сообщалось: «В селе Бородине церковь во имя Рождества Христова каменная с приделом преподобного Сергия, в которой иконостас, книги и некоторая ризница неприятелем -гохишено и прихожане по разорению восстановить не в состоянии. При ней причту: священник Иван Иванов 68 лет, злое, умре, с дьячек Павел Петров и пономарь Петр Григорьев выбыли к другим местам, приходских дворов было — 81, которые все неприятелем сожжены и вновь отроются, в них душ мужского пола 364, женского 394»³. В приход церкви кроме села Бородино (12 дворов) Елизаветы Петровны Савеловой и девицы Александры Васильевны Давыдовой входили: деревни Семеновская и Горки (27 дворов) тех же помещиц; сельцо Михайловское (2 двора) Михаила Николаевича Астафьева; сельцо Фомкино (6 дворов) Дмитрия Владимировича Давыдова; деревня Валуево (14 дворов) разных помещиков; деревня Сады (16 дворов) Ивана Александровича Петина; сельцо Алексинки (4 двора) Ивана Гавриловича Воейкова.

Под прихожанами, не имеющими возможности восстановить разрушенный храм, подразумевались, надо думать, не крестьяне, а их хозяева. Госпожа Е. П. Савелова была, по-видимому, поэнергичнее, а может быть и состоятельнее других помещиков. Она жительствовала в селе Успенском и смогла восстановить в своем храме придел

святителя Дмитрия Ростовского, в то время как Бородинская церковь, имеющая в своем приходе крестьян нескольких владельцев, пустовала. Однако мысль о том, что она будет восстановлена, не вызывала сомнений в Консистории. И потому по прошению Савеловой было принято решение: «Крестьян ея села Бородина и деревень Семеновской и Горок и всех прочих прихожан крестьян до восстановления церкви в селе Бородине приписать в приход ея ж села Успенскаго Криушино тож»⁴.

В 1816 г. в Можайском округе ожидался приезд Государя. Возможно, именно это и заставило бородинских помещиков и можайское духовенство поторопиться с восстановлением храма. Александр I в тот раз Бородино не посетил. Час, когда Бородинский храм будет обласкан Августейшим вниманием, еще не пробил. Но именно в 1816-м в кратчайшие сроки и под пристальным вниманием Преосвященного Августина он начал подниматься из руин. Благолепие храму возвращали, как Богу молились, всем миром.

14 июня 1816 г. благочинный Можайской округи Городка Борисова священник Алексей Афанасьев обратился к Преосвященному: «Ведомства моего благочиния в двухэтажной села Бородина церкви каменнаго здания во время нашествия неприятеля иконостасы все сожжены, ризничныя и некоторыя церковныя вещи сохранены.

Посему Ваше Высокопреосвященство и прошу не соблаговолено ли будет из уничтоженных в Москве церковей для возобновления разоренной села Бородина церкви назначить иконостас, и о сем учинить милостивую Вашу Архипастырскую резолюцию»⁵.

Уже через два дня, 16 июня, резолюция была наложена. Вверху листа размашистым почерком, очень лаконично: «Отдать иконостас из Спасской, что в Копьях церкви».

27 июня протоиерей Иоанн Иоаннов покорнейше рапортовал: «Кроме отданного, по резолюции Вашего Высокопреосвященства из приписной Спассокопьевской церкви Можайской округи села Бородина в церковь, иконостаса, отданы еще туда из разных приписных церковей книги, лампады, паникадило, подсвешники медныя, одежды на престол и жертвенник, также храмовый образ преподобного Сергия, взятый из Крапивской церкви в серебряной ризе»⁶. Церковное имущество храмов Москвы — Спасского в Копьях, Сергиевского в Крапивской, Воскресенского у Кузнецкого моста, Григория Богослова на Дмитровке — обретало новую жизнь в храме Бородинском.

Но само здание разоренного храма требовало ремонта. По распоряжению Преосвященного Августина благочинный монастырей архимандрит Авраам 25 июля 1816 г. выдал четыреста рублей из неокладной суммы Московского Данилова монастыря на исправление Христо-Рождественской церкви в селе Бородине, <заимобразно, с тем чтоб из церковных доходов она сумма возвращена была в монастырь в пять лет»⁷.

Указанную сумму в тот же день принял Можайского Лужецкого монастыря казначей иеромонах Иоасаф. И уже 11 июля он и благочинный, отец Алексей Афанасьев докладывали Преосвященному, что «бородинская церковь исправлена и ко освящению состоит в готовности»⁸, а 16 июля она по архипастырскому благословению была освящена лужецким же казначеем.

Поиском священника для новоосвященного храма занялась неутомимая гвардии секунд-ротмистрша Елизавета Петровна Савелова. Еще 15 июля вместе с помещиком 14 класса Михаилом Николаевичем Астафьевым она обратилась к Преосвященному, также уведомляя его, что церковь «вся исправлена и церковною утварью очень довольна и ко освящению состоит в готовности. Но священника и причетников не имеется»⁹.

Здесь же предлагалась кандидатура священника, выбранного помещиками: дьякон из старинной вотчины Савеловых, села Ильинского что на Бодне Можайского уезда Василий Николаев. «По ревизским 1816 года сказкам <он> показан 35 лет, невдов,

обучался в бывшей Московской Академии до поэзии. Во диакона произведен Высокопреосвященнейшим Августином, Архиепископом Дмитровским и кавалером в 1807 году за подписанием Коего и Ставленную Граммоту имеет, дел и подозрений донего неимеется»¹⁰.

Прежде рукоположения дьякона в священники, он 27 июля был допрашивая в Московской Духовной Консистории, 29 июля последовало его испытание в знании Закона Божьего, и, по мнению Архангельского протопресвитера Герасима, оказалось, что он «в законе Божиим не худое имеет сведение». 31 июля дьякон был исповедан, приведен к присяге в домовый церкви Преподобного Сергия, что на Троицком Сухаревском подворье и, как посчитал экононом подворья иеромонах Лаврентий «... не оказался быть сомнительным к восприятию иерейскаго сана». И вот, наконец, «вышеписанный дьякон Василий Николаев во священника произведен, Его Высокопреосвященством Августином Архиепископом Дмитровским и кавалером, в Московском Большом Успенском Соборе Августа 1-го дня 1816 года»¹¹, т. е. в первый день Успенского поста, когда празднуется Происхождение честных древ Животворящего Креста Господня или, по народному, первый, медовый Спас.

В связи с этим представляется интересным, что спустя четыре года у Бородинской церкви появился новый Спасский придел. 26 августа 1820 г. Аужецкий казначей Иоасаф освятил устроенную генеральшей Тучковой при селе Бородине каменную во имя Всемиловейшего Спаса церковь¹², которая, согласно храмозданной грамоте, подписанной Преосвященным Августином 30 апреля 1818 г. «числилась придельною рождественской церкви, что в селе Бородине и оной церкви священником с причтом совершаемо было в ней по покойном господине Тучкове поминовение»¹³.

Прошло еще четыре года, и новый предстоятель Московской кафедры Архимандрит Московский и Коломенский Филарет предпринял ознакомительную поездку по своей епархии, предварив ее распоряжением, «чтобы благочинные являлись мне при церквях их ведомства с именными списками подведомых и с потребными о них свидетельствами и замечаниями»¹⁴.

8 июня 1824 г. владыка служил в Можайске. Наверное, тогда же новый можайский благочинный, священник села Мышкина Алексей Петров доложил ему о необходимости исправления церкви в селе Бородине. Главный престол не был еще освящен, да и нижний храм преподобного Сергия ветшал. Митрополит Филарет, видимо, предложил благочинному способ к исправлению церкви «посредством добротных даяний», и тот 26 июня извещал владыку: «Во исполнение Вашего Высокопреосвященства определения словесно мне последовавшего о изыскании из священнослужителей, кто поусердствует, для производства с книгою денежнаго збора на устройство Бородинской церкви предполагаемого, двое таковых усердствующих ведомства моего же благочиния мною найдены, один села Ельни дьякон Петр Михайлов, а другой села Сокольникова пономарь Михаил Егоров. Они для всякой предосторожности соглашаются на таковое служение оба вместе на таком положении, 1-е чтобы в отлучку их доход им принадлежащий следовал вполне, на что охотно согласны их сел священники с причтами; 2-е что ими на насущный хлеб будет истрачено, то было принимаемо в щет, и 3-е чтобы таковой збор начать после Успениева дни по окончании полевой работы.

Таковой збор, когда Вашему Высокопреосвященству благоугодно будет, поверить им судя по трезвой и безпорочной их жизни несомненно можно...»¹⁵

Дьякон Петр Михайлов был послан в Консисторию и 3 сентября получил «книгу для испрашиваемаго добротнаго подаяния на возобновление ... в селе Бородине церкви», а 9 декабря он отрапортовал митрополиту о собранных уже тысяче трехстах восьмидесяти рублях ассигнациями¹⁶.

Неизвестно, по каким городам и весям ходил с книгой взявшийся поусердствовать дьякон, но сбор был им продолжен и в 1825 г., потому что общая сумма

пожертвованных денег составила 2960 руб. 97 коп.¹⁷ Размер сих «доброхотных подаваний» познается в сравнении с суммами, вынимавшимися по церквям Можайского уезда в пользу пострадавших от неприятеля из церковных кружек, учрежденных Можайским Духовным правлением в 1817 г. Кружки вскрывались каждый месяц и, например, в Бородинской церкви было собрано: в январе, феврале и апреле — по 10 коп., в мае — 11 коп., в июне — 9 коп., в июле и сентябре — по 5 коп., в марте — 2 коп., в августе кружка вовсе оказалась пустой. Итого — 62 коп. По четырем городским церквям — Соборной Никольской, Троицкой, Вознесенской и Якиманской сумма сборов колебалась от 79 коп. за апрель до 2 руб. 27 коп. за июль. А всего — 16 руб. 94 коп. за год¹⁸.

Из денег, собранных дьяконом Петром Михайловым, 86 руб. 40 коп. были выданы ему за труды, после чего осталось 2 874 руб. 57 коп. На ремонт же церкви назначено было по смете 3130 руб. 85 коп., а издержано по счету 3245 руб. 17 коп.¹⁹ То есть издержки на восстановительные работы почти полностью покрывались «доброхотными подаваниями», а значит мы можем говорить, что храм Бородинский поднимали не столько епархиальные власти, сколько «по копейке» русские православные люди. Кроме денег на нужды храма дьякону жертвовали и ризничные вещи, среди них ризы, епитрахили, воздухи и т. д.

Недостающие против израсходованной цены на ремонт храма 370 руб. 60 коп. по распоряжению Лужецкого казначея Иоасафа были взяты из монастырских денег. Казначею Иоасафу и Чудовскому архимандриту Гавриилу предписано было 16 января 1826 г. руководить работами по обновлению церкви²⁰. 17 июня того же года митрополит Филарет получил их доклад: «Можайской округи села Бородина церковь деревянным, а что принадлежит и каменным строением очень хорошо отделана»²¹.

Следующей вехой в восстановлении церкви стал 1837 г., когда село Бородино с деревнями было куплено наследником русского Престола Цесаревичем Александром Николаевичем. С того времени исправление ветхостей сельской церкви стало заботой Августейшего помещика.

В 1839 г. главный престол храма в Бородине был освящен в честь Смоленской иконы Божьей Матери, по местной иконе нового иконостаса. Но не прекратилось и существование престола в честь Рождества Христова. Он возродился там, откуда был перенесен в Бородино иконостас, на месте Московского Алексеевского монастыря, в Храме Христа Спасителя²², памятнике Отечественной войны 1812 г. и главном соборном храме России.

Подробное описание событий тех памятных для Бородина лет не входит в задачу этого краткого сообщения, как и описание подготовки храма к столетнему юбилею битвы. Однако, со ссылкой на «Московские ведомости» хочется все-таки упомянуть о том, что в августовские дни 1912 г. «взорам Царственных и Высоких Гостей и многочисленных участников юбилейных торжеств церковь предстала в своем полном величии, красоте и благолепии. Обозревая церковь, ее древности и Царские вклады, поклоняясь ей святыням, посетители могли видеть, между прочим, и исключительную достопримечательность: железо с пробоиной с церковной главы, вставленное в деревянную раму с надлежащей надписью и на видном месте помещенное в трапезе. Это — как бы свидетель страданий Бородинской церкви за землю русскую в ее тяжелую годину»²³.

Внимание, оказываемое Бородинской церкви нашими предками на протяжении ста прошедших после сражения лет, их забота о ее благолепии доказывают, что и Россия, в свою очередь, не забывала о храме, на кресты которого, может быть в последний аз. обращались взоры русских солдат, приносивших себя в жертву за Русь Православную.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Страхов С. В.* Безмолвный свидетель Бородинского боя — храм села Бородина. М., 1912.
- ² ЦИАМ. Ф. 203, оп. 752, д. 2224, л. 1-1 об.
- ³ Там же, д. 2225, л. 2-2 об.
- ⁴ Там же, д. 2224, л. 3-3 об.
- ⁵ Там же, д. 4389, л. 1.
- ⁶ Там же, л. 2.
- ⁷ Там же, д. 4384, л. 1.
- ⁸ Там же, д. 4385, л. 1.
- ⁹ Там же. Ф. 203, оп. 752, д. 4394. л. 1.
- ¹⁰ Там же, л. 2-2 об.
- ¹¹ Там же, л. 4-4 об.
- ¹² Там же. Ф. 203, оп. 752, д. 6803, л. 23.
- ¹³ Там же, л. 16.
- ¹⁴ Резолюция № 688 от 2.06.1824 г. // Поли. собр. резолюции Филарета митрополита Московского. М., 1903. Т. 1. С. 344.
- ¹⁵ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 209, д. 862. л. 1.
- ¹⁶ Там же, л. 5.
- ¹⁷ Там же, л. 38.
- ¹⁸ Там же. Ф. 592, оп. 1, Д. 8.
- ¹⁹ См. сноску 17.
- ²⁰ ЦИАМ. Ф. 203, оп. 209, д. 862. л.11.
- ²¹ Там же, л. 19.
- ²² *Страхов С.В.* Указ. соч. С. 31-32.
- ²³ *Виноградов Н.* Безмолвный свидетель Бородинского боя // Московские ведомости. 1912 г. № 221., 25 сентября. С. 2.